

НБС. Сов. культуре
17 XI - 1955.

В РОЛИ ПРОТАСОВА—РОМАНОВ

Лишь только появились афиши, издающие, что 13 ноября в спектакле Малого театра «Живой труп» предстоит выступление Михаила Романова, как сразу же стало очевидным, что в Москве знают и любят этого замечательного художника сцены. И дело не только в том, что у подъезда, как в дни самых примечательных премьер, толпились жаждающие, а в том, что на самом спектакле — и в фойе, и в зрительном зале — царил тот подъем, то радостное волнение, которое всегда сопутствует встрече с настоящим в искусстве. Нет, это не был ажиотаж вокруг громкого имени гастролера! Это была живая потребность окунуться в мир больших мыслей и больших чувств. Очень хорошо слушал зал артиста, и успех его был успехом истинным.

Рассказать о том, как Романов играет Федю Протасова, в короткой заметке невозможно. Это принципиальная, больше того — программная работа одного из крупнейших мастеров нашего театра, работа, которая вынашивалась годами и требует пристального анализа от картины к картине, от эпизода к эпизоду. Мы же поделимся лишь некоторыми соображениями общего порядка, возникшими у нас на этом спектакле.

Прежде всего, конечно, думаешь о том, что Романов сказал свое и бесспорно новое слово об этой классической роли. В Протасове, каким предстает он в исполнении Романова, поражают душевное здоровье, душевная ясность и какая-то особенная внутренняя озаренность. В нем нет ничего от пьяного загула, от надрыва, от психологической надломленности, всегда так или иначе присутствовавших в сценических прочтениях этого образа. Ясный взор Протасова—Романова, его застенчивая и чуть беспомощная улыбка, простые и душевные интонации его тихого голоса, весь его облик, отмеченный печатью врожденного благородства, все, все говорит лишь о настоящей, кристальной человеческой чистоте! Да, только это. И она, эта его удивительная душевная проясненность, нигде, ни на один миг не переходит в этакую умиленную благость людей, отрешенных от всего земного. В Протасове—Романове нет ничего от человека, опустившегося на дно жизни, и в нем нет ничего от блаженнейшего. Просто он не может жить иначе, чем живет. Это его жизненная позиция — пусть страшная, пусть трагическая, — но им самим избранная и осознанная до конца.

Невозможность лгать — вот главное в Протасове для Романова. Артист уводит наше внимание от разлада Федю с женой, от всей этой, как мы теперь говорим, «проблемы семьи». Он вскрывает производный характер семейной драмы своего героя. Подлинная драма Протасова, как ее понял Романов, — это драма человека, органически не способного лгать, но живущего в обществе, где все построено на лжи. Он со своим предельно обостренным чувством правды не способен, просто не может закрыть глаза на каждодневную ложь, уйти от нее. Не может вступить с ней во внутреннюю сделку, подавить чувство стыда, усыпить совесть, уговорить себя, то есть поступить так, как поступают

все эти «порядочные люди», которые как будто бы тоже «никогда не лгут»...

Артист, несущий в себе огромный эмоциональный заряд, Романов удивительно умеет воплощать на сцене любовь. Этим он славится. И когда четыре года назад мы видели его Федю, поэтическая стихия любви к Маше, к этой вольной молодой цыганке, быть может, особенно впечатляла в образе. Теперь же артист рисует и это чувство гораздо более сдержанно, почти скупно. В чем же дело? Постепенно постигаешь смысл и оправдание этой жертвы. Теперь для Протасова—Романова Маша не столько женщина — молодая, чистая, прекрасная, сколько самое полное воплощение его мечты о правде, о воле, о естественном и непоколебимом в человеке. Отсюда — святая чистота его чувства, не страсть, а восторг перед ней.

Тема правды достигает высшего взлета в финальной сцене спектакля. Привычно считать смерть Федю логическим концом судьбы, надломленной гибелью человека, пошедшего под откос. Или иначе — жертвой во имя ближнего. Романов начисто снимает в судьбе Протасова как тему обреченности, так и тему жертвенности. Смерть или ложь — вот как перед Протасовым поставлен вопрос. И

Протасов отвечает: лучше смерть. Если в первый раз после неудавшейся попытки самоубийства Протасов остается жить и сам невольно творит новую ложь, то теперь, когда суд ставит его перед необходимостью смирения, перед узаконенной, насильственной и чудовищной ложью (каким будет его возвращение к Лизе), он уже без колебаний отмечает возможность нового компромисса. Кругом торжествует фарисейство. И Протасов—Романов убивает себя. Он утверждает смертью своей, что правда дороже жизни. В этом и глубочайший трагизм судьбы Протасова и подлинное торжество непобедимой силы человеческой совести. В этом, наконец, суд над современным ему обществом, где правда утверждается такой ценой.

И мы не боимся сказать: Романов открыл нам истинные масштабы пьесы Толстого — самой большой в мировой литературе пьесы о правде, о цене правды.

Слов нет, трудно артисту сложившейся художественной индивидуальности и спосого, оригинального, выношенного, выстраданного понимания образа войти на один вечер в спектакль другого театра. И трудно театру на один этот вечер отступить в чем-то от своих замыслов, сломать мизансцены, переместить акценты и стараться «подыграть» своему гостю. Нет сомнения, что очень часто эти обоюдные трудности окажутся весьма и весьма сложными. Но там, где возможно сближение творческих позиций, такой эксперимент будет очень плодотворным, при условии, конечно, если обе стороны проявят взаимный такт и не пожалеют труда.

На этот раз произошло именно так. Да, это был смелый, по-своему самоотверженный опыт театра. И это была гастроль без тени гастролерства.

Предпринято по инициативе Малого театра выступление артиста Киевского русского драматического театра им. Леси Украинки народного артиста СССР М. Романова полностью оправдало себя.

Вл. САППАК.

М. Романов в роли Протасова.

Фото А. Горнштейна.